

Сентября 4 (17)

Священномученик
Николай (Сретенский)

Священномученик Николай родился 15 апреля 1867 года в селе Толстикове Бежецкого уезда Тверской губернии в семье священника Алексея Ивановича Сретенского. Когда Николаю исполнилось десять лет, родители отдали его учиться в Бежецкое духовное училище, окончив которое он поступил в Тверскую Духовную семинарию. Пройдя курс семинарии, Николай Алексеевич полгода работал учителем в земской школе, затем был переведен на должность духовного надзирателя, в коей проработал несколько месяцев. В 1890 году, когда ему исполнилось двадцать три года, Николай Алексеевич был рукоположен в сан священника ко храму Бежецкого Благовещенского монастыря, в котором прослужил до своего ареста в 1937 году. С 1906 года о. Николай состоял действительным членом Тверского Православного миссионерского общества. С 1910 года – член благотворительного общества во имя святой великомученицы Варвары для вспомоществования бедным воспитанницам Тверского епархиального женского училища. В 1915 году за двадцатилетнее преподавание Закона Божьего в различных школах о. Николай был награжден орденом Анны III степени¹.

В семье о. Николая было двое детей – сын и дочь. Сын Владимир родился в 1895 году. Поступил в Екатеринославский горный институт, но окончить успел только два курса, так как началась Первая мировая война и он был направлен в Петергофскую школу прапорщиков, а затем на германский фронт. В связи с большевистской революцией и развалом фронта, летом 1918 года он вернулся к родителям в Бежецк, но вскоре уехал в Екатеринослав, откуда с отступавшей белой армией попал за границу. Некоторое время жил в Польше и работал механиком на заводе, а затем уехал во Францию и окончил в Париже физико-математический институт и горную академию.

Прослужив несколько лет в Бежецком монастыре, о. Николай стал пользоваться большой любовью и уважением прихожан. Несмотря на беспощадные гонения двадцатых годов, в Бежецке при монастыре еще в середине тридцатых годов жили около пятидесяти монахинь. Из монастырских зданий они были изгнаны, жили по частным квартирам, но по-прежнему собирались в храме, отправляли монастырские службы и держались монашеского образа жизни. Когда власти в городе попытались закрыть все храмы, монахини воспротивились этому и начали собирать подписи верующих жителей города под прошением не закрывать храмы.

Отец Николай был арестован сразу же после начала гонений лета-осени 1937 года – 5 августа, и в тот же день был допрошен. Следовательно, в поисках обвинения, спрашивал о деталях биографии священника, о его родственниках, о находящемся за границей сыне. Допросы шли каждый день, беспрерывно. Затем был составлен протокол. Следовательно спрашивал:

– Расскажите, как вы лично реагировали на закрытие бежецкими властями Введенской церкви.

– Я считал это мероприятие бежецких властей неверным. Хотя церковь и не обслуживалась мною, я все же осуждал священников Введенской церкви и

церковный совет за то, что они допустили закрытие властями этой церкви. Я полагал, что они боятся репрессий со стороны советской власти.

– Были ли случаи, когда верующие обращались к вам с жалобами и осуждениями отдельных мероприятий советской власти?

– Нет, таких случаев не было, несмотря на то, что я пользуюсь у них большим доверием и авторитетом. Правда, был случай, когда пятьдесят моих монахинь обратились ко мне с жалобой, что органы власти обложили их большим налогом за кустарную выделку одеял без патента. Я оказал им содействие в обжаловании².

10 августа был составлен очередной протокол допроса:

– Следствию известно, что на созываемых епископом Григорием Козыревым антисоветских собраниях духовенства вы произносили антисоветские речи. Что вы можете показать по существу?

– Я отрицаю, что на указанных выше собраниях духовенства я произносил якобы антисоветские речи.

– Скажите, до приезда Козырева в Бежецк вы собирались на собраниях духовенства?

– Нет, до приезда епископа Козырева в Бежецк собраний духовенства никогда не проводилось, они установились как правило лишь с приездом епископа.

– Скажите, в читаемых вами в церкви проповедях вы упоминали о бесах, кого вы понимали под бесами?

– Да, я действительно упоминал в своих проповедях о бесах, призывая верующих не верить бесам, не поддаваться их соблазнам. Под бесами я понимал тех бесов, о коих сказано в Евангелии.

– Скажите, в какой плоскости у вас был разговор с Василием Ливановым об убийстве товарища Кирова?

– Был ли у меня с Ливановым разговор на данную тему, сказать не могу, так как не помню.

– Вы использовали своих монашек в собирании подписей за недопущение закрытия церкви?

– Нет. Я знал, что государство все равно не пойдет навстречу нашему ходатайству о недопущении закрытия церкви.

– Скажите, какого характера у вас был разговор с Иваном Докучаевым по заметке в газете "Знамя коммуны"?

– Незадолго до ареста меня и Докучаева последний пришел ко мне.

Я ему показал статью в газете "Знамя коммуны", где священники назывались врагами народа и говорилось об усилении антирелигиозной пропаганды. Мы с Докучаевым возмущались тем, что в печати нас называют врагами народа, и пришли к выводу, что антирелигиозная пропаганда местных властей, по-видимому, должна выразиться в арестах и высылках священников³.

14 августа был проведен очередной допрос. Следователь спрашивал:

– Следствию известно, что вы занимались религиозной обработкой молодежи. Что вы можете рассказать по существу?

– Что вовлечением молодежи в церковь я не занимался.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что, присутствуя на антисоветских собраниях духовенства, устраиваемых епископом Козыревым, вы произносили антисоветские речи и занимались антисоветской агитацией?

– Присутствуя на всех собраниях духовенства города, созываемых епископом Козыревым, я антисоветских речей не произносил и антисоветской агитацией не занимался⁴.

19 августа состоялся последний допрос:

– Следствию известно, что вы предупреждали всех участников контрреволюционных собраний духовенства о соблюдении ими конспирации в целях избежания подозрений НКВД. Вы подтверждаете это?

– Нет, таких случаев не было.

– Вы признаете себя виновным в том, что являлись участником контрреволюционной группировки духовенства, возглавляемой епископом Григорием Козыревым, и проводили антисоветскую агитацию?

– Нет, не признаю⁵.

13 сентября Тройка НКВД приговорила о. Николая к расстрелу. Священник Николай Сретенский был расстрелян 17 сентября 1937 года⁶.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»
Тверь. 2001. С. 174-176

Примечания

---

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 21267-С. Л. 39, 43.

Тверские епархиальные ведомости. 1908. № 26. С. 311.

Там же. 1910. № 1-2. С. 28.

² Там же. Л. 45-46.

³ Там же. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 50.

⁶ Там же. Л. 53-54.